

Андрей ФЕФЕЛОВ, член правления Изборского клуба. Тема сегодняшнего заседания — "Уроки предвоенной подготовки СССР и современные вызовы: адаптация градостроительства к условиям повышенной угрозы". Доклад представит Дмитрий Евгеньевич Фесенко, главный редактор журнала "Архитектурный вестник", академик Международной академии архитектуры и почётный член Российской академии архитектуры и строительных наук.

Дмитрий ФЕСЕНКО. Целостность пространства нашей страны удерживается двумя основными осями: меридиональной и широтной. В этой системе можно выделить несколько опорных экономогеографических локусов. Первый — это пара: с одной стороны, Москва и Санкт-Петербург как крупнейшие мегаполисы, и Нечерноземье — с другой. Мегаполисы в условиях военно-стратегических угроз и рисков так или иначе должны быть преобразованы, и Нечерноземье, которое с конца 1950-х годов оказалось зоной ускоренного обезлюдения, могло бы принять их демографический потенциал.

Второй локус — Донбасс как фронтальная территория и связанные с ним территории Тамани и восточной части Азовского моря, где, по мысли академика Александра Сергеевича Кривова, природно-климатические условия содействуют устройству научно-технологического кластера: ИТ, робототехники, биотехнологий и др.

Третий локус — это сибирские реки (Енисей, Обь и Иртыш), которые ещё в конце XIX века усиливали купцов были связаны между собой, а также сгущение городов: Новосибирск, Томск, Барнаул, Горно-Алтайск и так далее.

И наконец, четвёртый локус — это, по концепции академика Кривова, "Город-архипелаг Владивосток", с освоением прибрежных территорий до Хасана — примерно 380 километров. Речь идёт о двухтактной модели: люди приезжают, заселяют малозатражные жилые кластеры, работая вахтовым в восточном секторе Северного морского пути.

Все эти четыре локуса имеют разные измерения: социальное-экономическое, политическое, демографическое, — но сейчас главную роль играют военно-стратегические угрозы и риски. Нами разработана система мер в области пространственного развития и расселения на территории РФ. Остановлюсь подробнее на пяти базисных пунктах.

Первый пункт — это разработка выдвинутой нами три года назад Карты градостроительных рисков применительно к военно-стратегическим условиям. Предлагаются все регионы, поселения и объекты линейной инфраструктуры — по крайней мере, в европейской части страны — ранжировать по десятибалльной системе, чтобы у людей, принимающих соответствующие решения, появилась обоснование, рабочий инструмент.

Второй пункт — это стратегия развития сельских территорий, которые способны принять часть демографического, экономического и культурного потенциала страны. Необходимо провести инвентаризацию сельских населённых пунктов, заброшенных за последние 10–15 лет, выявить, где ещё сохранились остатки инфраструктуры и коммуникаций. Напомню, что в 1959 году, когда появились понятия так называемых неперспективных деревень и центральных усадеб, на территории РСФСР насчитывалось 294 тысячи поселений, к 1990 году осталось 160 тысяч, сейчас официально их число составляет 153 тысячи, однако примерно в 24 тысячах из них жителей уже нет, а ещё более чем в 30 тысячах проживает до десяти человек. Эти заброшенные, но частично сохранившиеся поселения необходимо рассматривать как стратегический ресурс, важно соотнести их с картой размещения промышленности — как существующей, так и перспективной.

Третий пункт — это фактически запрет на высотное жилищное строительство. В советское время существовали не только так называемые красные линии, но и линии жёлтые, обозначавшие последствия ударного воздействия на здания, то есть пределы распространения поражения. В связи с этим возникает крайне важный вопрос, касаю-

щийся вылетных магистралей, которые в принципе не должны перекрываться. Между тем сегодня высотные объекты присутствуют практически повсеместно. Конечно, сносить их никто не собирается, поэтому уже сейчас необходимо протрассировать дублирующие и объездные маршруты, протестировать их. Кроме того, существуют вокзалы и другие градостроительно значимые точки, вблизи которых расположена высотная застройка. Например, в случае обрушения ЖК "Дом Чкалова" окажутся перекрыты как минимум шесть путей Курского направления и Садовое кольцо, будут разрушены и сам вокзал, и ТЦ "Атриум". Или район метро "Дмитровская", где сходятся Рижское направление железной дороги, МЦД-2, перспективный узел МЦД-1, платформа и выходы из метро, Дмитровское шоссе. В случае обрушения башен ЖК D1 весь этот узел коммуникаций будет буквально погребён под завалами.

Четвёртый пункт — это список критических производств. В сталинское время, начиная с 1939 года, были эвакуированы со своих мест сотни и тысячи предприятий. Сегодня также необходимо составить перечень таких производств и план их возможной передислокации с перспективой рассредоточения малых предприятий.

И последний пункт — это бомбоубежища, укрытия и бункеры, большая часть которых сегодня фактически отдана под шиномонтажные мастерские и склады. Есть губернаторы, которые уже начали заниматься этим вопросом, как, например, в Кирове, где при населении около 450 тысяч человек предусмотрены укрытия на 105 тысяч. Очевидно, что эту организационную работу необходимо проводить заранее.

Если говорить о точках на карте страны, упомянутых мною выше, в частности о территории Донбасса, то для неё разработана система мер (всего полтора десятка позиций), включающая пять основных направлений: транспорт, промышленность, расселение, инженерное обеспечение и объекты ГО и ЧС. Основные принципы здесь — множественность (или мультипликация), рассредоточение и дисперсное расселение, дубли-

строится терминал для экспорта золота и меди.

Если говорить о международной практике, то вопросы гражданской и военной безопасности решаются по-разному. Например, в Швеции существует одна из крупнейших в Европе систем бомбоубежищ, рассчитанная примерно на семь миллионов человек — большую часть населения страны. В Варшаве мэр Рафал Тшасковский переоборудует часть метро под лазареты: туда завозятся вода, продукты питания, медикаменты, устанавливаются койки. В глубинных районах Китая, в частности в провинции Сычуань, граничащей с Тибетом, в последние годы развивается система защищённой подземной инфраструктуры — протяжённая линейных объектов достигает 5 тысяч километров. Во многих провинциях Ирана ещё со времён ирано-иракской войны есть защищённые подземные комплексы, которые поддерживаются и укрепляются.

И нам насущно необходима мобилизация экономики, общества и сознания.

Елена ЯНЧУК, журналист, общественный деятель. Как вы, будучи не только архитектором, но и градостроителем, относитесь к проекту комплексного развития территорий (КРТ) и вообще к тем градостроительным практикам, которые сегодня у нас реализуются?

Дмитрий ФЕСЕНКО. Закон о КРТ появился в декабре 2020 года и изначально был ориентирован на преобразование жилых и промышленных территорий. В этом, безусловно, есть позитивные стороны, но здесь стоит сосредоточиться прежде всего на негативных последствиях. Например, в Новосибирске фактически ежегодно возникают конфликты вокруг районов малозатражной застройки, в которые заходят девелоперы, находящиеся нередко в связке с местными властями.

Другой пример: в Нижнем Новгороде, в самом центре города, буквально в пяти-десяти минутах от кремля, находится стадион "Водник", созданный ещё в 1930-е годы и модернизированный в 1990-е. Сейчас же, хотя он действительно нуждается в капи-

Зубаревич начала 2000-х годов, когда она говорила о необходимости развития в субъектах Федерации пары городов-лидеров типа Вологды — Череповца, Уфы — Стерлитамака, исходя из предположения, что затем все остальные подтянутся. Однако на практике произошло прямо противоположное: когда развитие концентрируется в крупнейших центрах, туда начинают стягиваться люди, ресурсы, экономика, инфраструктура, а остальное пространство постепенно оголяется и фактически опустынивается. Поэтому, при всём уважении к её знанию эмпирического материала и экономической статистики по регионам, к подобным концептуальным построениям я бы относился с большой осторожностью.

Мария ДУБИНСКАЯ, обозреватель канала "День", общественный деятель. Известно, что в советское время надёжные укрытия часто строились при крупных предприятиях. Понятно, что существует метро, однако сейчас многие бомбоубежища фактически утрачены: где-то появились паркинги, где-то их месте возвели жилые комплексы. И, кстати, совсем недавно на "Авито" можно было найти услуги по снятию бомбоубежищ с учёта. Что у нас с бомбоубежищами?

Дмитрий ФЕСЕНКО. Что касается бомбоубежищ в целом, то прежде всего необходимо провести инвентаризацию и понять, каким ресурсом мы располагаем. Помимо прочего, у нас ещё с 1930-х годов существует профильный институт "Метрогипротранс", и у его специалистов имеется исчерпывающая информация не только о метро, но и о различных подземных полостях, специальных объектах и так далее.

Понятно, что всё это связано с определённым уровнем секретности, но тем не менее этой проблемой необходимо заниматься. Нельзя бесконечно переключать бордюры и строить одни высотки. Разумеется, высотное строительство, как, например, проект "Буря" в своё время, тянет за собой целый комплекс технологических инноваций. Но проблема в другом: сейчас в Москве строится более 250 зда-

ности Специального комитета, и, условно говоря, появилось "противоядие", пусть мы до 1970-х годов и заметно уступали США по количеству ядерных зарядов и средств доставки.

Применительно к Москве и Петербургу сверхзадача состоит в том, чтобы заранее инвентаризировать сельские территории и подготовить базу для эвакуации хотя бы части населения, экономических акторов и культурных ценностей. Причём речь идёт не просто о механической передислокации, а о создании пространственного резерва для развития.

Руслан САФАРОВ. Второй вопрос касается Восточной Арктики. Вы упомянули Диксон — Тикси — Певек, а где могут возникнуть новые базы? Это Оленёк, Хатанга, Индигирка? Может быть, Колыма, ведь у нас там фактически нет полноценных портовых узлов?

Дмитрий ФЕСЕНКО. В качестве пилотного проекта рассматривается мыс Шмидта или остров Врангеля. Это точка между Певеком и посёлком Providenia, расстояние между которыми до тысячи километров (а не две с половиной тысячи, как между Диксоном и Тикси или между Тикси и Певеком). По неофициальным данным, ещё в 1990-е годы в пгт Мыс Шмидта проживало несколько тысяч человек. Сейчас там всего 37 человек. Но после событий 2014 года было принято решение — благодаря наличию военного аэродрома на мыс Шмидта была переброшена какая-то часть наших военных. Однако как точка повторного роста эта территория сегодня не рассматривается.

Начиная с XVIII века существовало поселение Амбарчик между Тикси и Певеком; расположено оно было ближе к Певеку, примерно в 300–400 километрах. Был ещё посёлок Нордвик недалеко от устья Хатанги, между Диксоном и Тикси. Там глубины составляли всего около шести метров, и этот порт также какое-то время использовался. И Амбарчик, и Нордвик находились в ведении Главсевморпути в сталинское время. Сейчас они фактически заброшены: Амбарчик — с конца 1990-х — начала

Удастся ли нам переломить рыночное безумие в пользу безопасности? Удастся ли избавиться от этих гигантских небоскрёбов, которые, по сути, являются идеальными целями?

Дмитрий ФЕСЕНКО. Недавно были зафиксированы два инцидента с беспилотниками: на Мосфильмовской улице в Москве 4 мая был атакован высотный жилой дом, серьёзных жертв не было. А 5 мая в Чебоксарах удар беспилотника привёл к повреждениям домов, три человека погибли, 44 получили ранения. Эти случаи свидетельствуют о растущих рисках для городов.

Прошлым летом мы с архитектором Евгением Александровичем Гурвичем возвращались из Калининграда после архитектурного конкурса. С нами летела женщина, которая, услышав наш разговор, спросила, архитекторы ли мы. Когда мы подтвердили, она поделилась, что её дети купили квартиры в новых домах, и задала волновавший её вопрос относительно рисков, в том числе при пожарах. Я сказал, что, живя выше 16-го этажа, нет даже теоретической возможности спастись. В Подольске, возможно, есть две пожарные лестницы, достоящие до 16-го этажа, но это скорее миф. На Западе в дорогих домах есть специальные полости-убежища, где можно переждать. Также существуют костюмы-крылья (вингсюты), обычно изготовленные из прочных материалов наподобие нейлона, которые в теории позволяют планировать. Однако сложно представить, куда можно спланировать внутри мегаполиса. В Советском Союзе имелись "чулки" — гибкие устройства с поэтажными отсеками, которые забрасывались вверх, и по ним можно было спускаться вниз. Возможно, что-то подобное есть и сейчас. Но, говоря о перспективах спасения, можно вспомнить недавний случай в Гонконге, где в результате пожара в жилом комплексе погибло более ста человек.

Дмитрий АГРАНОВСКИЙ. Одинадцатого сентября 2001 года мы наблюдали это всё прямо в эфире.

АРХИТЕКТУРА КАК

рование функций, автономные системы жизнеобеспечения, создание сетевой улично-дорожной структуры и так далее. Подобную модель можно было бы адаптировать практически к любому региону — вплоть до Урала и далее, разумеется, с внесением необходимых корректив.

Что касается Северного морского пути, то здесь необходимо указать на критическую ситуацию в восточном секторе. Между Диксоном, Тикси и Певеком расстояние превышает две тысячи километров, при этом промежуточные точки фактически отсутствуют. Именно это сегодня становится одним из ключевых ограничений развития транспортной системы.

При этом, несмотря на существующие распоряжения правительства 2019 и 2022 годов, проблема по-прежнему не решается системно. Сейчас строятся 14 терминалов, из которых 11 расположены в западной части и только 3 — в восточной, причём все они тяготеют либо к Диксоно, либо к Певеку, либо к бухте Providenia. Почему так происходит? Дело в том, что действует механизм государственно-частного партнёрства. Стоимость строительства одного порта составляет 100 млрд рублей, и это лишь начальная цифра. Государство выделило 237 млрд рублей, и средства эти распыляются между всеми портами. При этом 80–85% финансирования обеспечивается частным капиталом, который заинтересован прежде всего в вывозе сырья и извлечении природной ренты.

Соответственно, речь идёт не о том, чтобы вся система функционировала как единая несущая конструкция, а о строительстве отдельных терминалов под конкретные экспортные задачи. Так, рядом с Певеком, на мысе Наглейный, в настоящее время

тальном ремонте, его объявили аварийным. И под этим предлогом планируется масштабная застройка территории. Сам стадион сокращается по площади. Для чего? Для того чтобы построить там башню высотой 140 метров, ещё один жилой корпус и фитнес-центр. Притом что самой высокой точкой города до сих пор остаётся собор Александра Невского — около 87 метров.

То есть фактически под видом комплексного развития территорий недобросовестные девелоперы идут на разрушение городской среды, территориальной целостности и сложившихся сообществ.

Не думаю, что в Москве ситуация сильно отличается. Тем более что в столице долгое время на ряде площадок действовал так называемый коэффициент D (связанный с отношением проданной жилой площади к площади, заявленной в изначальноном градостроительном плане) с "дельтой" в десятки процентов. Очевидно, что чем дороже земля, тем больше возникает соблазнов и злоупотреблений.

Елена ЯНЧУК. Как вы относитесь к концепции экономгеографа Натальи Зубаревич "Четыре России"? Она делит территории согласно экономической активности на города-миллионники, города с устойчивой промышленной базой, сельскохозяйственные территории и деградирующие поселения.

Дмитрий ФЕСЕНКО. Фактически речь идёт об иерархическом ранжировании, причём не только территорий, но и населения. Возникает разделение на условно благополучные зоны и все остальные регионы, а вместе с этим начинает формироваться кастовая модель общества. Я хорошо помню подход

ной высотой свыше ста метров, причём многие из них располагаются именно в тех критических точках, о которых я уже говорил.

Надо пояснить, какие бомбоубежища уже настолько перестроены и изувечены, что их восстановление потребует колоссальных усилий. Но некоторые из них можно сравнительно быстро привести в порядок: разобрать деревянные стеллажи, на которых сейчас хранятся зимние шины, и снова использовать эти помещения по их прямому назначению.

Руслан САФАРОВ, политолог, эксперт Финансового университета при Правительстве РФ. Мой первый вопрос касается проекта единой агломерации Москва — Санкт-Петербург. Звучали оценки, согласно которым к 2050 году это пространство объединит около 70 миллионов человек — в стране со 140–150-миллионным населением. Как вы относитесь к подобной перспективе?

Дмитрий ФЕСЕНКО. Ещё в конце 1920-х годов Николай Ладовский выдвинул концепцию так называемой "параболы Ладовского", в соответствии с которой радиально-кольцевая структура Москвы размыкалась в северо-западном направлении, в сторону Ленинграда. В 1970–1980-е Юрий Платонов развивал идею "двуглавой" столицы — Москва плюс Ленинград.

Уже в 2010-е годы профессор Стокгольмской школы экономики Кьелл Нордстрём выступил с моделью 600 гигалополисов, доводя до мыслимого предела концепцию 150 регионов-экономики Кеничи Омае, относящуюся к 1990-м годам. В представлении Нордстрёма Швеция съёживается до линейной структуры Стокгольм — Гётеборг — Мальмё. Для того чтобы реализовать этот умозрительный концепт, придётся изъять население, например, из Лапландии и перенаправить его в "правильное" русло. Каким образом это будет делаться — экономически, административно или комбинированно, — неизвестно, но формулируется это со звериной серьёзностью.

Что касается Москвы и Петербурга, у академика А.С. Кривова есть модель перевода — сугубо добровольного — части населения этих городов в соседние регионы Нечернозёмной зоны — от Калуги и Тулы до Смоленска и Ярославля, и этому нет альтернативы.

Надо помнить, что всего двести боеголовок с разделяющимися боевыми частями, которые имеются в арсенале наших европейских партнёров, способны уничтожить любую агломерацию. Ещё в 1945 году существовал американский проект "Тоталити", предполагавший нанесение ядерных ударов по трём десяткам советских городов — тогда у нас ещё не было собственного ядерного оружия. Уже в 1949 году появился план "Дропшот", а до него были и другие американские разработки — "Чаритиер" и ряд аналогичных проектов. Но к тому моменту Советский Союз уже создал собственное ядерное оружие благодаря деятель-

2000-х годов, а Нордвик — ещё раньше, в 1950–1960-е годы.

Государственная воля должна быть подкреплена финансами, а пока всё перекладывается на плечи инвесторов, которые заинтересованы вкладываться только в то, что даст быструю отдачу. Между тем речь идёт как минимум о 80–100 миллиардах, даже с учётом государственного участия, потому что там необходимы дноуглубительные работы и многое другое. Соответственно, не хотят заниматься проектами с длинным циклом окупаемости, а намереваются, как говорится, "отбить деньги" завтра, в крайнем случае — послезавтра. А сама конструкция в результате страдает. Именно поэтому, когда Китай в 2013 году, с нашей подачи, начал активно тестировать Северный морской путь в навигационный период, выяснилось, что он в полтора раза короче и, при определённых обстоятельствах, дешевле. Конечно, там есть ограничения, однако с точки зрения военно-стратегических угроз и рисков, которые сейчас назревают, СМП приобретает особое значение.

Нельзя не отметить, что в 1940–1950-е годы Джордж Реннер и Александр де Северский разработали концепцию так называемой геополитики воздуха, в рамках которой особое значение приобретали Арктика, Северный Ледовитый океан и полярные маршруты. Большим Харплендом в этой логике предстаёт Северная Евразия, читай, СССР или нынешняя Россия, а малым — Америка, Канада и Гренландия. Все остальные зоны оказываются ресурсно зависимыми от этих пространств. Ледовитый океан рассматривается как своего рода центральное пространство, вокруг которого выстраивается вся геополитика воздуха. Неслучайно в 2022 году на Аляске была воссоздана 11-я воздушно-десантная дивизия США с 12 тысячами штыков, тяжёлыми транспортными вертолётными "Чинук" и "Чёрный ястреб" и ударными вертолётными "Апач".

Руслан САФАРОВ. Как вы относитесь к идее массового малоэтажного строительства близ крупных центров, создания пригородов или городков нового типа с полноценной инфраструктурой?

Дмитрий ФЕСЕНКО. То, о чём вы говорите, связано с развитием жилых кластеров вдоль агломерационных лучей. Да, это перспективно.

Дмитрий АГРАНОВСКИЙ, адвокат. Я уроженец города Электросталь. Это город, связанный с производством атомного топлива. В основном он строился уже в послевоенные годы по принципам, обусловленным подготовкой к возможной войне: широкие улицы, среднеэтажная застройка (преимущественно пятиэтажная), бомбоубежище практически в каждом доме и отдельные выходы из этих убежищ в каждом дворе. Наверное, всё это было затратно, но сама логика строительства исходила прежде всего из вопросов безопасности.

Дмитрий ФЕСЕНКО. Это была акция, срежиссированная американскими спецслужбами, но бывают и случайные трагедии. В Лондоне, например, в 2017 году произошёл пожар в жилой башне "Гренфелл-тауэр", где погибли 72 человека. Когда начали разбираться в причинах катастрофы, выяснилось, что при реконструкции использовались горючие облицовочные материалы и утеплители, а само расследование выявило серьёзные нарушения со стороны подрядчиков и производителей. В данном случае речь шла о социальном жильё.

Александр МАРКОВ, обозреватель канала "День". Первый вопрос: что можно сделать с небоскрёбами, которые уже стоят вокруг Садового кольца с внешней стороны, потому что внутри вроде бы было нельзя строить, но теперь они появляются и там, по крайней мере, на Новокузнецкой, кажется, хотят построить первый двадцатизатяжный дом.

И второй вопрос: как создавать условия в регионах, чтобы люди не уезжали в Москву, ведь за Уралом у нас сейчас всего двадцать миллионов человек или даже меньше?

Дмитрий ФЕСЕНКО. Начну с того, что в 2024 году в Москве был отменён высотный регламент. И произошло это, по сути, уже в разгар военных действий. Разве это не показатель того, что осознание той системы координат, в которой мы находимся, фактически отсутствует?

Что касается освоения Севера, Сибири и Дальнего Востока, то, конечно, определённая работа ведётся: мы знаем о программе "Дальневосточный гектар", затем появился "Арктический гектар". Но проблема в том, что человеку просто выдают гектар земли без инфраструктуры, без дорог, без инженерного обеспечения. В результате участки в основном берут местные жители. И, насколько я помню, за десять лет там было освоено около ста тысяч участков — это не такие уж большие масштабы.

Серьёзные изменения, видимому, возможны только в случае давления внешних обстоятельств. Дело в том, что девелоперские лобби формировалось очень давно, фактически ещё с конца 1950-х годов. Но уже в конце 1970-х возник мощный тренд на так называемую "ковровую" малоэтажную и среднеэтажную застройку. Проводились конкурсы, разрабатывались проекты. И благодаря усилиям Александра Сергеевича Баталина, который тогда возглавлял Госстрой, удалось провести постановление 1988 года о поддержке индивидуального малоэтажного строительства.

Причём это было очень содержательное постановление; в нём речь идёт, в частности, о создании научно-исследовательских и проектных институтов, которые должны заниматься разработкой новых строительных материалов — ячеистых бетонов, деревянных домокомплектов и так

Так строить не надо...